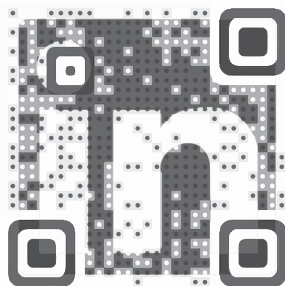

МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА

предсоборные и постсоборные тезисы

Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 005.
Материалы Третьего Евангельского Собора. — М., 2013, 56 С.

Религиозная философия — традиционный для русской мысли способ рассуждения о Боге, Его действиях в истории мира и жизни человека и человеческом отклике на Его призыв. Серия философско-религиозных тетрадей продолжает традицию свободного, неклерикального обсуждения острых вопросов современности с позиций христианского мировоззрения.

Особенность этой серии — тройной фокус рассмотрения каждой из затрагиваемых тем. Реконструкция истории России, мира и Церкви направлена на поиск оснований иной России: пространства, где происходит раскрытие и реализация человеческой личности. Философский аппарат позволяет добиться более точной проблематизации, более широкого рассмотрения представленных тем, а также — обсуждать богословскую проблематику в контексте современного дискурса. В то время как бескомпромиссная богословская позиция призвана вывести дискуссию из земной плоскости, показать необходимость поиска ответов на поставленные вопросы из Вечности. И тем самым — дать основание для свободы и ответственности человека в формировании облика будущего мира.

Настоящий сборник составлен по итогам работы Третьего Евангельского Собора (Ирпенского), который состоялся в пригороде Киева г. Ирпень с 28 мая по 1 июня 2012 года. В сборник вошли Предсоборные тезисы, которые очерчивают проблемное поле соборной работы, а также — Постсоборные тезисы, которые в кратком виде суммируют дискуссии, идеи и проектные инициативы, выдвинутые в процессе работы Собора.

Содержание

О евангельском Соборе	4
I. Евангельское движение: новый поворот. Предсоборные тезисы	
Радостная Весть в эпоху перемен	7
Развернуться навстречу современному человеку	9
Найти место Церкви в постиндустриальном городе ...	11
Научиться служить в меняющемся мире	14
Направления работы Собора	16
II. Церковь в эпоху перемен: отвечая на вызовы будущего. Постсоборные тезисы	
Вызов Царства	25
Вызов Израиля	31
Вызов города	38
Вызов будущего	43
Церковь как тайна, вызов и надежда	48

Евангельский Собор — это возрождение новозаветной традиции решения актуальных вопросов церковной жизни путем соборного обсуждения и совместного поиска Божьей воли (Деян. 15:6-29). Соборная работа включает молитвенное вопрошание, богословскую дискуссию и организационно-деятельностную часть.

Таким образом, объединяя духовную, мыслительную и деятельную составляющие, мы приходим к пониманию, что Бог делает в этом мире и Своей Церкви, а также — каких действий Он ждет от нас. В результате мы можем, вслед за апостолами, утверждать: «угодно Святому Духу и нам» (Деян. 15:28).

В работе Собора может принять участие каждый христианин, независимо от духовного сана или конфессиональной принадлежности, который сознает свою ответственность за судьбу Церкви Христовой и реализует ее в практическом служении и конкретных проектах. Тем самым Собор воплощает принцип всеобщего священства (1Пет. 2:9).

Евангельский Собор происходит ежегодно на неделе, предшествующей Празднику Пятидесятницы — дню рождению Церкви Иисуса Христа. Тем самым Евангельский Собор свидетельствует о единстве Тела Христова.

В промежутке между Соборами работает Межсоборное присутствие Евангельского Собора. Предсоборные и Постсоборные тезисы подготавливаются рабочей группой Межсоборного присутствия.

Первый Евангельский собор (I Наро-Фоминский) состоялся с 16 по 21 мая 2010 года в Подмоскowie.

Второй Евангельский собор (II Наро-Фоминский) состоялся с 5 по 8 июня 2011 года в Подмоскowie.

Третий Евангельский собор (Ирпенский) состоялся с 28 мая по 1 июня 2012 года в окрестностях Киева.

предсоборные тезисы

Евангельское движение: НОВЫЙ ПОВОРОТ

*Открытие новых возможностей
через встречу с вызовами*

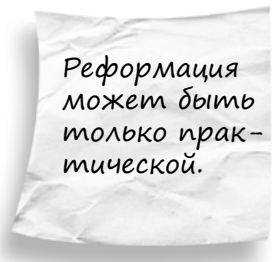
Радостная Весть в эпоху перемен

Церковь призвана жить Вечностью и при этом служить в меняющемся мире. Нам выпала честь нести Евангелие на стыке эпох, когда наша цивилизация переживает процесс радикальной трансформации. Эти перемены и пугают, и вызывают надежду. Каким будет мир завтрашнего дня? Какие идеи и принципы будут положены в его основание? И что значит быть свидетелями Иисусу Христу в это непростое время?

Ни скорость, ни масштаб изменений не должны смущать тех, кто верит в Бога, творящего «все новое» (Откр. 21:5). Святой Дух, которым жива Церковь, позволяет нам не быть захваченными потоком перемен, но в этом меняющемся мире показывать путь к Богу тем, кто запутался и утратил ориентиры, давать надежное основание людям, потерявшим опору, свидетельствовать о вечных ценностях там, где все относительно. Мы призваны не следовать за изменениями, но, определив их характер, положить христианское основание формирующейся на наших глазах реальности. Это и значит быть Его светом и Его солью в современном и, что еще важнее, - в будущем мире. Потому на Первом Евангельском (I Наро-Фоминском) соборе был поставлен вопрос об оправдании будущего как подлинно христианской повестке дня.

Церковь призвана жить Вечностью и при этом служить в меняющемся мире. Нам выпала честь нести Евангелие на стыке эпох, когда наша цивилизация переживает процесс радикальной трансформации. Эти перемены и пугают, и вызывают надежду. Каким будет мир завтрашнего дня? Какие идеи и принципы будут положены в его основание? И что значит быть свидетелями Иисусу Христу в это непростое время?

Ни скорость, ни масштаб изменений не должны смущать тех, кто верит в Бога, творящего «все новое» (Откр. 21:5). Святой Дух, которым жива Церковь, позволяет нам не быть захваченными потоком перемен, но в этом меняющемся мире показывать путь к Богу тем, кто запутался и утратил ориентиры, давать надежное основание людям, потерявшим опору, свидетельствовать о вечных ценностях там, где все относительно. Мы призваны не следовать за изменениями, но, определив их характер, положить христианское основание формирующейся на наших глазах реальности. Это и значит быть Его светом и Его солью в современном и, что еще важнее, - в будущем мире. Потому на Первом Евангельском (I Наро-Фоминском) соборе был поставлен вопрос об оправдании будущего как подлинно христианской повестке дня.

Радостная Весть о Царстве Божьем вечна. Но формы ее представления в мире — вербальная, музыкальная, архитектурная, управленческая — могут и должны меняться. Повторение прошлых, пусть даже очень удачных, моделей в новых условиях неизбежно искажает смысл послания. Церковь призвана жить в процессе постоянной реформации: возвращения к основаниям,

чтобы сделать следующий шаг. Таково принципиальное требование к Церкви, сформулированное Вторым Евангельским (II Наро-Фоминским) собором.

Третий Собор должен сделать следующий шаг в этом направлении. Реформация может быть только практической. Накануне Третьего Собора мы молимся о том, чтобы Святой Дух помог нам увидеть как вызовы, так и новые возможности, которые

Он открывает для нашего служения в это время. Мы видим, что Бог побуждает современную Церковь:

- Развернуться навстречу современному человеку
- Найти свое место в *постиндустриальном городе*
- Научиться служить в *меняющемся мире*

Развернуться навстречу **современному человеку**

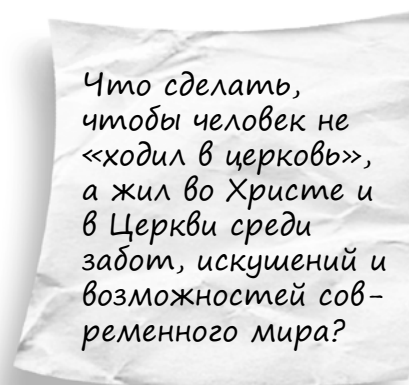
Современный человек не думает о грехе, но постоянно борется с депрессией и стрессом. Он не жаждет спасения, но ищет самореализации. Для него не существует одной абсолютной Истины, есть лишь разные точки зрения. Он верит в сверхъестественное, но избегает глубокого посвящения. Что будет Радостной Вестью для таких людей? Проповедь Христа привлекала множество людей, потому что Он отвечал на их самые насущные вопросы. Каким было бы служение Иисуса, если бы Он действовал не на просторах Галилеи и Иудеи, а в джунглях современного мегаполиса?

Бог близок к этим людям. Он неравнодушен к их нуждам, мечтам, страданиям. Он являет Себя как на церковных собраниях, так и в современных офисах, торговых центрах и забытых автомобилями магистральных. Воплощение Христа — не только историческое событие, но откровение о сердце Бога, устремленного к людям и желающего обитать среди них (Ин. 1:14). С какими словами Он сегодня обращается к современному человеку? Что Он делает в его жизни? От того, как мы ответим на эти вопросы, зависит, сможем ли мы принести Евангелие нашим современникам.

Современный человек стремится к свободе и не желает подчинять себя какой-либо структуре. Он привык регулярно менять работу и партнеров — и ему трудно понять, почему он должен «принадлежать церкви». Свойственное ему недоверие к любой иерархии и «организованной религии» усиливают сопротивление. А наши конфессиональные разногласия и непонятные формы церковной жизни делают этот барьер почти

непреодолимым. В результате все больше наших современников придерживаются позиции «Богу — да, Церкви — нет!»

Каким будет ответ Церкви? Новый Завет не дает оснований считать тот или иной способ церковной организации и управления священным или неизменным. Призыв Христа идти в этот мир (Мф. 28:19) подразумевает, что нам нужно найти такие формы жизни общины веры, которые будут адекватны образу жизни современного человека.

Что мы можем сделать, чтобы человек не «ходил в церковь», а жил во Христе и в Церкви среди забот, искушений и возможностей современного мира? Какое богослужение поможет ему пережить присутствие Божье и понести его дальше — туда, где он живет и трудится? Как выстроить работу церкви так, чтобы она согласовывалась с ритмом жизни жителя современного мегаполиса? Сегодня мы можем наблюдать довольно смелые

эксперименты с церковными формами. Нам нужно отнестись к ним с должным вниманием — часто именно в таких экспериментах рождается будущее! Как соотносится иерархичность церковных структур и сетевой характер социальных связей? Возможно, наше время открывает возможность для подлинно соборной жизни Церкви. Что нужно сделать для полноценного служения церкви в сети интернет? Отвечая на эти вопросы, мы можем добиться, что сопричастность церкви перестанет казаться нашим современникам ненужным анахронизмом.

Современный человек — человек действия. Когда-то, реформация освятила повседневный труд как способ служения Богу, тем самым наполнив работу смыслом, более высоким, чем борьба за существование. Какой ответ мы можем дать на вопрос о смысле труда сегодня? Нам нужно преодолеть ненормальный

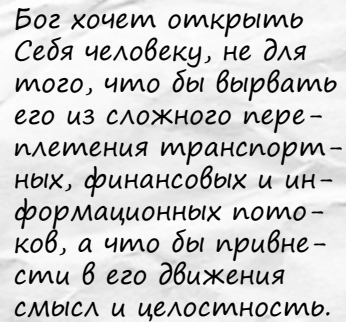
дуализм «работы» как места зарабатывания денег и «служения» как того, что мы делаем в церкви. Вновь наполнить смыслом повседневный труд. А значит, привести Божье присутствие в обыденность. Для этого недостаточно лишь вернуться к основам Реформации. Старые рецепты не сработают в новых условиях. Нам нужно услышать, «что Дух говорит церквям» сегодня, чтобы наши ответы имели смысл в реалиях сегодняшнего дня.

Современный человек, как правило, — житель крупного города. А потому именно города сегодня должны оказаться в фокусе служения Церкви.

Найти место Церкви в *постиндустриальном городе*

Ранее христианство распространялось как преимущественно городская религия. Крупные города античности были в центре внимания миссионерской деятельности апостола Павла. Именно городским общинам адресованы письма, вошедшие в Новый Завет. Потом на долгое время фокус служения Церкви сместился в деревню. Деревенская община (приход) стала основой церковной жизни (причем не только в Украине и России). Сегодня Бог опять призывает Церковь к городской миссии. Наша цивилизация снова стала городской. В результате процесса урбанизации все больше людей сосредотачиваются в крупных городских агломерациях. Что должна сделать Церковь, чтобы принести Радостную Весть жителям *постиндустриального города*?

Когда-то города формировались вокруг церкви: храм был архитектурным центром города, церковная община, ἐκκλησία — его социальным стержнем, а календарь христианских праздников, в значительной степени, определял ритм городской жизни. Сегодня величественные соборы прошлого — не более чем историко-архитектурные музеи, которые свидетельствуют о славной истории, но не имеют отношения к современности. В идентичности современного горожанина его вероисповедание занимает отнюдь не первое место. А религиозные праздники, возведенные в ранг государственных, давно утратили собственно христианский смысл. *Постиндустриальный город* не замечает Церкви. Он живет своей жизнью — ее определяют работа офисов,

Бог хочет открыть Себя человеку, не для того, что бы вырвать его из сложного переплетения транспортных, финансовых и информационных потоков, а что бы привнести в его движения смысл и целостность.

мегамолов и транспортные потоки. В этой жизни для Церкви просто не остается места: ни географически, ни в расписании городских жителей, ни в смыслах, которые образуют город.

Мы не испытываем ностальгии по «старым добрым временам». Господь призывает нас быть Его свидетелями в современном городе, и у Него есть Добрая Весть для его жителей. Бог

хочет открыть Себя человеку, чья жизнь представляет собой сложное переплетение транспортных, финансовых и информационных потоков не для того, чтобы вырвать его из них, а чтобы привнести в это движение смысл и целостность. И Он снаряжает Свою Церковь всем необходимым для решения этой задачи.

Что мы можем сказать о вызовах Церкви в *постиндустриальном городе*?

Житель города привык к разнообразию. Возможность выбора профессии, места жительства, форм досуга и круга общения — специфически городская черта. С этой точки зрения, различия между общинами в организации, богословии, формах поклонения Богу и служения в обществе — это преимущество современной Церкви. Различные общины могут достигать Евангелием разные категории людей, отвечая на их специфические нужды. Людей отталкивает не разнообразие, а вражда между христианами. А потому требование единства при сохранении и умножении разнообразия Церкви — одно из основных для эффективного служения современным горожанам.

Житель города ценит доступность. Он привык к тому, что требуемый товар, услуга или нужная информация могут быть

получены тут же, «с доставкой на дом». Церковь не оказывает услуг, не предлагает товары и не распространяет информацию. Но доступность, как важное качество Церкви, становится необходимостью нашего времени. Она должна быть везде — на рабочем месте, в мегамоллах, внутри самой деятельности, в местах отдыха, в транспорте и интернете. Церковь должна быть органично вплетена в ткань городской жизни. Речь не о «храмах шаговой доступности», а о качестве присутствия жизни Христа через нас, Его свидетелей, в социальной, политической, научной, культурной жизни города. И поиск путей такого присутствия — подлинный вызов сегодняшней Церкви.

Житель города стремится к сопричастности. Он хочет участвовать в происходящем вокруг — при сохранении автономности его личной территории. Он хочет вносить свой вклад в преобразование окружающего его пространства: социального, архитектурного, информационного. И в этом совместном труде он меняет не только мир вокруг, но и себя самого. Вот почему соборность — один из основных вопросов как Первого, так и Второго Евангельских соборов, — является одним из искомых качеств современной городской церкви. Ведь именно соборная жизнь позволяет включить каждого человека, в соответствии с его дарами и призванием, в служение Богу и ближнему. А через это — достичь все более полного раскрытия образа Христа, Который являет себя одновременно и через каждого отдельного христианина, и через Церковь как Тело Христово.

Рассуждая о городской церкви, мы не можем обойти вопрос о том, какое место она должна занимать в архитектурном ландшафте современного города. «Музейный» статус храмов хоть и создает необходимое благоговейное отношение (хотя и это происходит отнюдь не всегда!), но вытесняет церковь на периферию общественной, городской жизни. Это — вопрос не только утилитарный. Храмовая архитектура — это богословие в камне. Какое богословие должны отражать наши церковные здания? Какое послание и на каком языке мы хотим донести нашим современникам? Нужно ставить вопрос о том, каким должен быть новый храм, чтобы он снова стал архитектурной доминантой

современного города, центром, вокруг которого концентрируется жизнь горожан. И как можно начать реализовывать эту задачу уже сейчас, при заведомо недостаточных ресурсах.

Нести Евангелие жителю *постиндустриального города* — значит идти на риск служения в сложном и постоянно меняющемся мире. Каким должно быть служение Церкви в ситуации постоянных изменений?

Научиться служить в *меняющемся мире*

Меняющийся мир отказался от абсолютных неизменных ценностей. Большенетодной Истины, есть различные точки зрения. Мы не можем отрицать факт происшедшего. И бессмысленно сожалеть о случившемся. Христос по-прежнему остается Господом и Спасителем этого мира. Нам нужно научиться в этой ситуации свидетельствовать о Царстве Божьем. Что будет Радостной Вестью для людей, которые не верят в абсолютную Истину и вечные ценности?

Меняющийся мир по-новому переосмысливает основные этические вопросы. Несправедливость, связанная с распределением материальных благ и возможностью доступа к другим ресурсам, вопросы бедности, социального расслоения и лишения людей права на достойное существование, дискриминация меньшинств, национальные конфликты — по всем этим вопросам нужна ясная и содержательная позиция Церкви, причем выраженная на современном языке с учетом существующих реалий.

Меняющийся мир — это мир «человека в пути», человеческих потоков. Мы впервые оказались в ситуации, когда представители разных мировоззрений живут рядом и вместе трудятся. Как нести радикальное Евангелие, сохраняя уважение к представителям других мировоззрений? Каково отношение Церкви к другим, прежде всего монотеистическим религиям?

В *меняющемся мире* стремительно меняется представление о семье и браке. Разводы, однополые союзы, отказ супругов от детей — это лишь видимая часть айсберга. Изменения затрагивают

самые основы социальной жизни общества. И Церкви крайне необходим диалог с обществом по этим вопросам. Этот диалог нужен не только для того, чтобы донести миру свою позицию, но и для того, чтобы еще раз вернуться к собственным основаниям и открыть в своем служении искупляющую силу жертвы Христовой, благодаря которой каждый человек может обрести примирение с Богом и новую жизнь в Нем. Сегодня в позиции Церкви по этим проблемам слишком много легализма и морализаторства. Нам нужно вновь открыть, что именно грешники, которых отвергало религиозное общество того времени, были самыми благодарными слушателями Того, Кто пришел «не к здоровым, но к больным» (Мф. 9:12-13).

В *меняющемся мире* происходит трансформация представлений и о самом человеке, его жизни и смерти, тайне зачатия и рождения. К остающейся актуальной проблеме аборта добавились вопросы, связанные с эвтаназией, эксперименты со стволовыми клетками и клонированием, работы в области генома человека. И пока у Церкви нет глубокой продуманной позиции по этим вопросам. Стремление защитить святость человеческой жизни необязательно должно вести к отрицанию научного поиска. Нам нужно стремиться к совместному обсуждению этих, более чем сложных, вопросов с учеными и светскими мыслителями. Тогда, возможно, христиане смогут внести свой вклад в решение общих проблем.

Способность к диалогу — одно из основных требований к Церкви, служащей в *меняющемся мире*. Слишком долго Церковь считала, что обладает монополией на Истину. Однако знать Того, Кто есть Истина, и претендовать на знание всей истины — это не одно и то же. Миссия сегодня — это скорее совместный поиск Истины с теми, кто придерживается других взглядов, в том числе — и готовность учиться у них. В таком совместном поиске

*Способность к диалогу — одно из основных требований к Церкви, служащей в *меняющемся мире*.*

мы сможем глубже познать Христа, Который часто является «в ином образе» (Мк. 16:12), а также — открыть Его другим.

Особого внимания заслуживает вопрос о социальном служении Церкви. Христиане всегда служили тем, кто в нужде. Служение наркозависимым и заключенным, работа по преодолению сиротства — все это, безусловно, должно оставаться одним из основных фокусов нашего служения. Однако меняющийся мир требует прояснить само понятие социального служения. На кого оно должно быть направлено? Только на социально незащищенных или нужно мыслить шире? Если шире, то как? Как социальная работа связана с основной миссией Церкви — благовестием?

Направления работы Собора

В отношении каждой из затронутых тем нами должна быть проделана работа по четырем направлениям:

- во-первых, нам нужно увидеть, как должна измениться **внутренняя жизнь Церкви**, какие новые церковные формы будут адекватны новым задачам и условиям нашего служения, какие изменения должны произойти в способе организации и управления общинами;
- во-вторых, мы постараемся по-новому взглянуть на **внешнюю активность Церкви** и открыть для себя иные, более эффективные способы взаимодействия с современным миром и служения ему;
- в-третьих, необходимо проделать работу по формированию **нового богословия от лица Церкви**, чтобы дать ответ на вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня с позиций христианского мировоззрения на современном языке;
- наконец, в основании всей нашей работы должно лежать **духовное, молитвенное предстояние** перед Богом каждого лично, и всех вместе как участников Собора, а значит — представителей Церкви Христовой; и в этом

предстоянии нужно ответить на вопрос о том, как я могу сегодня, перед лицом этих вызовов, быть христианином, и как мы вместе можем быть Церковью — общиной веры?

Сознавая масштаб этих вызовов, мы молимся о Божьей мудрости и водительстве Духа Святого для всех участников Собора. Мы знаем, что не в наших силах ответить даже на часть этих вопросов. Но мы верим, что «действующей в нас силой Он может сделать несравненно больше того, о чем мы просим и о чем помышляем» (Эф. 3:20). В этой уверенности мы и приступаем к работе.

Да поможет нам Бог!

Межсоборное присутствие

Евангельского Собора

Май 2012 года по Р.Х.

*“Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...”
(Мф. 16:18)*

*“Вот, Я делаю новое; ныне же оно явится;
неужели вы и этого не хотите знать?”
(Ис. 43:19)*

постсоборные тезисы

Церковь в эпоху перемен: ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВЫ Будущего

**Уважаемые участники Третьего
Евангельского Собора!
Дорогие братья и сестры!**

В работе Третьего Евангельского собора (Ирпенского), состоявшегося с 28 мая по 1 июня 2012 года в г. Ирпене Киевской области приняли участие более 100 служителей, представляющих христианские общины 24 городов: Асбеста, Астаны, Боровичей, Вологды, Донецка, Жолдино, Иванова, Ирпеня, Киева, Краматорска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новомосковска, Одессы, Подольска, Ростова-на-Дону, Рязани, Санкт-Петербурга, Севастополя, Славянска, Ташкента, Тюмени, Череповца и Якутска.

На Первом соборе, посвященном *стратегии развития Евангельского движения*, была поставлена задача формирования христианской повестки дня. Таким образом был сделан важный шаг к тому, чтобы Церковь с пророческой позиции смогла дать подлинно евангельский взгляд на *сущее и должное*, и на этом основании предложить программу действий, которая позволит утвердить евангельские ценности и образ жизни как норму для общества. Работа Второго собора была построена вокруг дорожной карты Евангельского движения — что и как нам нужно делать, чтобы христианская повестка дня могла стать реальностью.

В работе Третьего Евангельского собора (Ирпенского), состоявшегося с 28 мая по 1 июня 2012 года в г. Ирпене Киевской области приняли участие более 100 служителей, представляющих христианские общины 24 городов: Асбеста, Астаны, Боровичей, Вологды, Донецка, Жолдино, Иванова, Ирпеня, Киева, Краматорска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новомосковска, Одессы, Подольска, Ростова-на-Дону, Рязани, Санкт-Петербурга, Севастополя, Славянска, Ташкента, Тюмени, Череповца и Якутска.

На Первом соборе, посвященном *стратегии развития Евангельского движения*, была поставлена задача формирования христианской повестки дня. Таким образом был сделан важный шаг к тому, чтобы Церковь с пророческой позиции смогла дать подлинно евангельский взгляд на *сущее и должное*, и на этом основании предложить программу действий, которая позволит утвердить евангельские ценности и образ жизни как норму для общества. Работа Второго собора была построена вокруг дорожной карты Евангельского движения — что и как нам нужно делать, чтобы христианская повестка дня могла стать реальностью. Было указано, что мы должны продвигаться одновременно в трех горизонтах: духовного поиска, богословско-интеллектуального исследования и практической деятельности¹. Очевидно, что единство этих трех горизонтов есть характерная черта любого успешного реформационного движения. Но удерживается эта целостность исключительно через соборность — проявленную общностью различных даров представителей Тела Христова.

Работа, проделанная на двух соборах и в период между соборами, показала, что Господь ставит перед Евангельским движением задачи принципиально иного по сложности уровня, решение которых возможно только в том случае, если мы по-новому увидим и переосмыслим Великое Поручение, данное Церкви, а также — тот мир, которому мы призваны нести Евангелие. «*Евангельское движение: новый поворот*» — так были озаглавлены Предсобор-

¹ Подробнее см. «К стратегии развития Евангельского движения. Материалы Первого Евангельского собора». — М., 2010 и «Перманентная реформация. Материалы Второго Евангельского собора». — М., 2012

ные тезисы к Третьему Евангельскому собору.

Дискуссии Третьего Евангельского собора разворачивались вокруг темы Церкви: ее сущности, как общины Нового Завета, ее миссии возведения Царства Божия в стремительно меняющемся мире, новых способов организации жизни церковной общины, поклонения Богу и служения людям в условиях современного города.

Господь ставит перед Евангельским движением задачи, решение которых возможно если только мы по-новому увидим Великое Поручение, а также тот мир, которому мы призваны нести Евангелие.

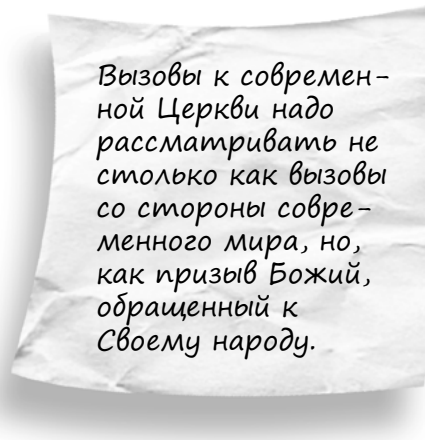
Чтобы совершить *новый поворот*, современная Церковь должна ответить на следующие вызовы:

- **Вызов Царства** — это вызов нашему пониманию *сущности и миссии* Церкви. Как соотносятся между собой Царство Божье и Церковь Христа? Что значит сегодня возвещать Царство Божье? Какова природа Царства? Чем природа Царства отличается от природы Церкви или в чем тождественна ей? Какой должна быть Церковь, чтобы ее свидетельство о Царстве могло быть услышано?
- **Вызов Израиля** заставляет нас переосмыслить, что есть *народ Завета*. Израиль — это и благословение, и соблазн современного христианства. Отвечая на этот вызов, христиане должны заново открыть для себя не только замысел Господа об Израиле, Церкви и об их отношениях между собой, но и научиться жить в современном мире как народ Божий рядом с народом иным, и в чем-то близким, который, как и наша Церковь, одновременно и принадлежит миру, и не принадлежит ему.
- **Вызов современного города** ставит вопрос о *мере ответственности* Церкви перед Богом жителями современных городов. Изначально Церковь есть, прежде всего, община в городе, для города и над городом. Но сегодня влияние церквей на жизнь горожан (именно как

горожан) практически не ощущается. Хуже того, быть современным горожанином и быть членом общины веры сегодня трудносовместимые задачи. Какой должна быть и что должна делать современная церковная община, чтобы оставаться закваской для своего города?

- **Вызов будущего** — это Божий призыв к Церкви занять пророческую позицию в современном мире: быть теми, кто в каждой ситуации способен открыть Божий замысел и показать пути его осуществления. Как такое возможно сегодня? Какие основания должны быть восстановлены, чтобы Церковь могла говорить «как власть имеющая»?

Каждый из этих вызовов есть разговор о проблемах современной Церкви, и, одновременно, о направлениях её актуального развития. Разрывы между сущим и должным содержат в себе энергию для движения в будущее. Проблематизируя современную Церковь, указанные вызовы раскрывают её подлинную сущность, помогают сделать шаг от привычных, но во многом устаревших стереотипов к восстановлению Божьего замысла о Церкви как о народе Завета и Тела Христовом.

Вызовы к современной Церкви одновременно являются указанием направлений Божьей работы в мире. А потому их надо рассматривать не только, и даже не столько как вызовы со стороны современного мира, но, прежде всего, как призыв Божий, обращенный к Своему народу. Принимая этот призыв и отвечая на него богословски, деятельностно и, главное, жизнью всего Тела Христова и каждого его члена,

Церковь совершает путь к тому, чтобы в современном мире быть свидетелем распятого и воскресшего Христа и своим свидетельством продолжать заквашивать этот мир.

Новый поворот, таким образом, есть требование радикальной открытости к болевым точкам современности, чтобы туда мог

проникнуть свет Христа; а это, в свою очередь, требует не менее радикального обращения Церкви ко Христу, как к своему Главе, и формированию такой модели церковной жизни, в которой явно и непосредственно отражено Его владычество. Вместо сосредоточенности на себе (что и является основной причиной маргинального положения церкви в обществе²), Христос требует от нас двунаправленной открытости: одновременно Богу и миру, Творцу и всему Его творению. Чтобы вместить все это — нам нужно быть смелыми и сильными. Чтобы оказаться настолько сильными, нужно быть предельно честными. Наша правдивость в новой жизни позволит нам стать владельцами новой эпохи.

Вызов Царства

Христос возвестил Евангелие Царства Божьего и основал Церковь³. Понятия Царства и Церкви тесно связаны между собой, но не тождественны. Радостная Весть о Царстве — это возвешение о Божьем владычестве в мире, о том, что миропорядок существующий заменяется совершенно иным, а не просто лучшим. Церковь призвана быть местом, в котором и через которое это владычество воплощается, но в реальной жизни этого никогда в полной мере не происходит. В лучшем случае мы видим лишь отблеск небесной славы. И одновременно мы наблюдаем в реальной Церкви слишком много проявлений этого брэнного мира.

Божье владычество безгранично, Церковь — ограничена. «Царство Его всем обладает...» (Пс. 109:19) и охватывает весь мир, все творение. Церковь же объемлет лишь часть людей,

² Подробнее о различении маргинальности и инаковости см. философско-религиозную тетрадь «К стратегии развития Евангельского движения. Материалы Первого Евангельского собора». — М., 2010. С. 10

³ Проповедь Царства и основание Церкви в служении Христа тесно связаны. Сравним два отрывка из Евангелия: «После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие». (Мк. 1:14-15) и «и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». (Мф. 16:18-19)

откликнувшихся на Его призыв. Божье владычество вечно, тогда как время Церкви ограничено периодом от Пятидесятницы до Второго Пришествия.

Опасность отождествления Церкви и Царства велика. В истории неоднократно происходила подмена, когда Царство подменялось церковным порядком. Наше нежелание видеть проявления Божьего Царства за «церковной оградой» — обескураживает. Вследствие чего мы нередко приписываем устоявшимся формам церковной жизни статус вечных положений Царства Божьего на земле.

Но различая Царство и Церковь, необходимо удерживать и их взаимосвязь. Церковь есть орудие Царства Божьего в этом мире: именно Церкви Христос оставил Великое Поручение, суть которого в том, чтобы продолжить Его труд возведения Царства Божьего. Иисус не только говорил о Царстве-Владычестве, Он Собой являл Божье владычество. Его учение, Его чудеса, Его отношение к людям и связь с Богом, Его смерть и воскресение — суть знаки Царства Отца. Церковь же есть Тело Сына, таинственным образом собранное из людей. Потому именно в Церкви может и должна быть явлена инаковость Царства Божьего по отношению к существующему мироустройству:

«...вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих...» (Мк. 10:42-45)

Разорвать взаимосвязь между Церковью и Царством — значит лишить Царство Божье инструмента, благодаря которому оно утверждается в мире, а Церковь оставить без ориентира. Такая ошибка приведет к тому, что Царство из высшей реальности превратится в фантом, иллюзию, еще одну человеческую утопию («место, которого нет»). Церковь же лишится своей миссии; ее существование потеряет всякий смысл.

Признаем, в истории таких примеров было немало. Например, когда Церковь, вместо того, чтобы возвещать владычество Божье, служила национальным или государственным интересам и видела

свою задачу в поддержании той или иной формы общественного или политического устройства. Даже борьба за определенные нормы — библейские — этические нормы может стать для Церкви ловушкой, когда Царство Божье сводится к соблюдению чаемой обществом морали, а Церковь берет на себя роль хранилища нравственности, вместо того, чтобы быть свидетельницей Христа. Будем помнить, что в новозаветных историях роль таких хранителей благочестия брали на себя фарисеи!

Кроме того, нетерпимость к греху в пылу борьбы зачастую превращалась в нетерпимость к грешнику: стремясь отстоять определенные нравственные нормы, христиане забывали о евангельской заповеди любви к ближнему!

Осознавая сложность и важность взаимосвязи Церкви и Царства, нам нужно правильно сформулировать вопросы по этой проблеме и найти на них ответы.

Какова природа Царства Божьего? Каков смысл слов Христа о Царстве? Если Церковь призвана являть в этом мире Его Царство, то какой должна быть сама Церковь, чтобы быть способной явить Царство? Что значит возвещать Его владычество в современном мире, и что это будет значить в завтрашнем мире, который принципиально иначе будет относиться к теме власти и владычества кого-либо над кем-либо? О чем мы молимся, когда, следуя повелению Господа, вот уже третье тысячелетие ежедневно произносим: «Да приидет Царствие Твое»?

Царство — это конкретная историческая форма политеи⁴. Эта форма была наиболее понятна людям прошлого, для которых царство было обычным государственным устройством. Поэтому образ царства и использован в притчах. Но насколько этот образ политеи-царства понятен современному человеку, насколько он приемлем сегодня? А может быть иная форма политеи будет более адекватно передавать Радостную Весть о Божьем владычестве? В какой из форм лучше реализованы справедливость и каноны праведности — в республике или конституционной монархии, авторитарном или сервисном государстве? Или же о Божьем

⁴ Πολιτεία — в данном случае термин используется как политическая единица любого уровня, класса и типа.

владычестве нужно говорить принципиально иным языком, минуя определенность политических форм?

Что значит утверждать политеию Отца в наше время? В какой мере приход Царства зависит от нас, христиан, от проявления нашей воли, наших «бдений» и «страж», наших общих усилий, а где мы должны, трезво оценивая свои возможности, отойти в сторону и «просто молиться» — верить, ждать и надеяться? Как должны сочетаться труд молитвенный в Духе и Слове с усилиями в делах на нивах политических, общественных и экономических?

Типичный ответ на эти сложные вопросы звучит так — «Царство Божье — не от мира сего» (и, мол, этим все сказано). На деле же это означает, что мы отказываемся даже от попытки найти ответ на вызов Царства. Безусловно, намного проще сосредоточиться на внутрицерковном строительстве, предоставив Богу решать большинство вопросов в мире «самостоятельно». Но разве это не означает, что мы разрываем связь между Царством и Церковью? Разве это не означает принять точку зрения, что Церковь — суть дело рук человеческих (пусть и совершаемое нами при содействии благодати и промысла Божьего), а Царство Божье — исключительно область Божьего действия, которое Он совершает без всякого участия Своих детей?

В основании такого подхода лежит не Евангелие Иисуса Христа — Того, Кто посвятил Свою жизнь провозвестию именно Царства Божьего, и Кто был распят именно как Царь Иудейский. Скорее, такое отношение к миру обусловлено исторической памятью наших церквей: насильственным вытеснением христиан из общественной и политической жизни, принудительной маргинализацией⁵. Должны ли мы и дальше молча соглашаться с таким положением дел или должны проявить нетерпимость?

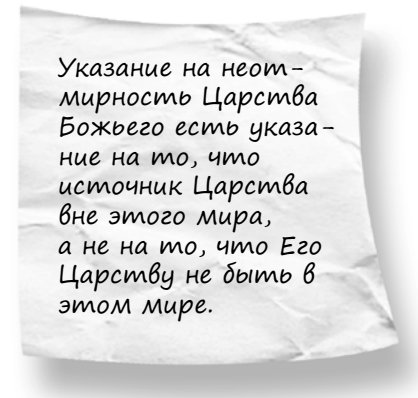
Утверждая, что Его Царство «не от мира сего», Христос одно-

⁵ Пример других стран, где христиане намного более активны в общественной, экономической и политической жизни и тех изменений, которые произошли и происходят благодаря такому участию, подтверждает эту точку зрения. Причем, негативные последствия, которые тоже имеют место, наряду с позитивными, свидетельствуют не об ошибочности самого подхода, а о том, что любое воплощение Царства Божьего частично и относительно. Но эта частичность не снимает с нас задачи прилагать усилия к тому, чтобы хотя бы отчасти Его слава могла явиться в мире.

временно провозглашал, что с Ним и в Нем это же самое Царство уже пришло в мир — абсолютно «иное», оно уже «здесь и сейчас». Думаем ли мы, что приход Его Царства означает исключительно личное обращение к вере отдельных людей, ожидающих, что все святое и подлинное свершится уже вне этого мира? Или указание на неотмирность Царства Божьего есть указание на то, что источник этого Царства вне этого мира, (и именно поэтому оно нетленно и истинно), а не на то, что Его Царству не быть в этом мире? Ведь задачей, поставленной Всевышним, является преобразование всего тварного, всего действующего, всего отпавшего, всего сущего, «чтобы посредством Его примирить с Собой все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Кол. 1:20). И начать нам нужно с собственной жизни, с собственных семей и церквей, своих городов, своей земли. Иначе, почему Христос назвал нас солью? Не для того ли, что бы мы могли придать вкус всей «земной пище»?

Адаму было дано поручение «владычествовать над всей землей» (Быт. 1:28), в видимом мире утверждая владычество Невидимого Бога. Израиль был призван Господом чтобы «быть царством священников» (Исх. 19:6), и закон был дан для того, чтобы в жизни Израиля как народа была явлена слава Божья (Втор. 4:6-7). Воплощение Сына Божьего — это Царство Божье, зримо явленное в нашем мире. «Видевший Меня видел Отца», — говорит Христос Филиппу (Ин. 14:9). «Достигло до вас Царство Божье», — именно так объяснял Иисус творимые Им чудеса (Лк. 11:20).

Разве все эти примеры не свидетельствуют о том, что Бог ищет людей, через которых Его Царство может войти в мир? Найти свое воплощение в мире людей и мире вещей? И если Церковь есть Тело Христово, то не должна ли она быть уверенным продолжением

Боговоплощения? Дальнейшим вторжением Промысла в земную ткань — до самого того времени, когда Сын «как одежду свернет» все сущее?! (Евр. 1:12)

Но в таком случае важно понять, какой должна быть Церковь, которая и своей жизнью и своим служением, Гефсиманией и Голгофой нацелена на воплощение Царства Божьего?

Вначале нам придется честно признать, что сегодня наши церкви не соответствуют этому требованию. Поскольку только в смирении согласившись с тем, что сегодня мы больше сосредоточены на себе, а не на Христе, на построении церковью вместо созидания Царства, что мы чаще используем методы психологического манипулирования вместо служения в простоте и силе Святого Духа — только согласившись со всем этим, мы сможем сделать шаг к тому, чтобы стать народом, воплощающим Его владычество в этом мире и все покоряющим под ноги Его⁶.

Третий Евангельский Собор указал на один из признаков искомой нами Церкви — на *священство всех верующих*. Реформация XVI века вернула повседневному труду смысл и святость. Отныне каждый труд мог стать служением Богу — богослужением. Это заново открытое представление о том, что через любую работу можно и должно воплощать Божье Царство, преобразило облик народов, стран и, в конце концов, всей цивилизации. Сияние этой славы заметно еще и сегодня: столетия войн и революций, сделки с совестью, попытки подстроиться под мир и многократная соблазненность господствующей культурой так и не смогли стереть в повседневности следы Откровения. Но удержать чистую ноту Радостной вести было невероятно сложно, и протестантская трудовая этика стала для большинства приемлемой заменой недостижимой высоте Божьего призвания. Платой за эту подмену стало очередное изгнание Бога из повседневной жизни, деятельности, мышления, получившее имя *секуляризации*. Большинство христиан из *служителей Царства превратились в церковных прихожан*⁷. Тем самым Тело Христово

⁶ См., в частности, Евр. 2:8.

⁷ В данном контексте ПРИХОЖАНИН — это пассивный «потребитель ритуальных услуг», которые типовым образом предлагаются в церкви. В то время

было парализовано, и только личное благовестие и миссионерская работа поддерживали в нем Дух жизни.

Решимся ли мы нарушить сложившийся порядок? Вновь придать труду священный статус и снарядить святых на дело служения в этом мире — для воплощения Царства Божьего через повседневный профессиональный труд каждого христианина?

Может быть, вместо того, чтобы удерживать христиан в церковных стенах для исполнения там низкоквалифицированного труда (пусть даже и нужного для блага самой общины), лучше направить их на «рыночную площадь»? Послать в мир, чтобы они могли там явить Его славу для тех, кто сегодня считает, что христианство безнадежно устарело и годится лишь для слабых характером и нерелективных умом людей?

Возможно, такой шаг и не приведет к взрывному росту наших общин, но он позволит нам приблизиться к своему подлинному призванию — быть Его свидетелями в этом мире. «Итак, выйдем к Нему за стан...» (Евр. 13:13).

Если работа на Царство возможна и вне Церкви, тогда именно эту работу Израиль осуществлял еще до Церкви, а затем, видимо, и параллельно с Церковью. Поэтому тема Царства с новой силой ставит вопрос об отношениях двух народов Завета: Церкви и Израиля.

Вызов Израиля

«Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. Или не знаете, что говорит Писание в [повествовании об] Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря: Господи! пророков

как СЛУЖИТЕЛЬ — активный участник жизни Церкви, воплощающий свое христианство через определенную деятельность.

Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. Что же говорит ему Божеский ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом. Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток». (Рим. 11:1-5)

В своем отношении к Израилю Церковь колеблется между двух крайностей.

С одной стороны, мы наблюдаем тенденцию, когда евреям отказывают в праве называться народом Божьим. Чего скрывать, историческим церквям нередко свойственно презрение к евреям и даже махровый антисемитизм. Вместо благоговения перед тайной Божьего промысла по спасению Израиля (Рим. 11:25-28) мы видим надменность, и попытки оттеснить Божий народ за рамки истории спасения. Вместо смиренного обучения на примерах Израиля, данных нам в Писании, мы повторяем тот же грех гордыни и начетничества, за который Бог наказывал Свой народ. Вместо благодарности Израилю за сохранение в этом мире Откровения о Едином Боге им предъявляют обвинение в распятии Спасителя.

С другой стороны, не так уж и редко в современных протестантских церквях можно наблюдать нерелексивное возвеличивание и едва ли не преклонение перед всем тем, что связано с Израилем, и даже уже не Израилем Писания, а с Израилем мировой политики. Неспособность разглядеть Божье действие в культуре Израиля сквозь историю и обычаи народа приводит к обожествлению самой этой культуры и идолопоклонству. Сосредоточенность на внешнем не позволяет увидеть внутреннее: история Израиля (так, как она изложена в Писании) — это во многом история отступничества и попыток Бога вернуть Свой народ на путь Истины! Наконец, преклонение перед Израилем (вместо преклонения перед Богом Израиля!) не позволяет увидеть разрыв между Ветхим и Новым заветами и приводит к потере Откровения, явленного в воплощении, страданиях и воскресении Мессии: если Законом оправдание, то Христос напрасно умер (Гал. 2:21)!

И в одном, и в другом случае Писание игнорируется либо искажается. И в одном, и в другом случае человеческие представления и предпочтения ставятся выше Божьей мудрости.

Нам нужно избегать упрощенных ответов на сложные вопросы. Серьезное отношение к вызову, с которым мы как Церковь сталкиваемся в лице Израиля, может помочь нам сделать следующий шаг в понимании того, что значит самим быть *народом* Завета. Не политической структурой, не религиозной организацией, не корпорацией веры, а именно народом, избранным Богом, призванным к осуществлению определенной миссии и живущим в заветных отношениях с Творцом.

Серьезное отношение к вызову Израиля может помочь нам в понимании того, что значит самим быть народом Завета.

Для того, чтобы найти ответ на вызов Израиля, нам нужно различить, как минимум, три понятия.

Существует ***Израиль как народ Завета***, народ, через который Бог открыл Себя в этом мире: сначала через Закон, затем — в Иисусе (Рим. 9:1-5).

Существует ***Израиль как этнос***, и это понятие не идентично предыдущему. Народ Завета — понятие духовное, связанное с богоизбранностью и особыми заветными отношениями между Богом и народом. Этнос — понятие земное, связанное с кровным родством, языком и культурой. Эти понятия лежат в разных измерениях, и апостол Павел (еврей от евреев) хорошо понимал, что их нельзя путать (Рим. 9:6-8; 27-29)⁸. Как этнос Израиль — один из множества других народов, как народ Божий — Израиль перестает быть понятием физическим, но обретает метафизическое, духовное измерение.

Существует также ***Израиль как государство***, как субъект международного права. И это еще одна реальность, отличная от первых двух. Гражданами государства Израиль являются не только евреи, и не все евреи являются гражданами этого государства. Потому Израиль как государство и Израиль как этнос — это не

⁸ На самом деле различие между Израилем как народом Завета и Израилем, как этносом проведено еще у пророков. Именно это различие привело к формированию идеи «святого остатка»: Ис. 1:9; 10:20-22; 37:31-32; Иер. 23:3; 31:7; Иез. 5:1-4; Зах. 13:8-9 и др.

одно и то же. Тем более нужно различать светское государство Израиль и Израиль как народ Завета. Именно народу, а не этносу или государству, даны были обетования. Именно с народом, а не с политическим институтом, Бог заключил Свой завет. Если бы это было не так, это означало бы, что до 1948 года Израиля как народа Божьего просто не существовало!

Проведя это различие, мы должны сделать еще один шаг. Здесь важно удержать парадоксальность ситуации и самого понятия «Израиля как народа Божьего»: Бог верен вечному Завету с Израилем, и это — реальность, которую Церковь не может игнорировать. Но Израиль отверг Иисуса как обетованного Мессию, и это вторая реальность, которую также никто не может игнорировать!

Так как же оценить теперь отношения Израиля и Бога? Пророки Израиля в таких случаях в выражениях не стеснялись⁹. Но мы должны быть аккуратны в своих предположениях, помня о том, что есть тайна особых отношений Бога со Своим народом, есть Его суд и Его милость. А потому мы, как те, кто был привит к благородной маслине (Рим. 11:16-18), должны хранить благодарность в наших сердцах по отношению к тому корню, которым мы держимся. И выражать эту благодарность добрым отношением к тем евреям, с которыми Бог сводит нас. При этом нельзя забывать слова Павла, обращенные к своим: «вам опять нужно молоко, а не твердая пища» (Евр. 5:12, РБО 2008). Потому-то евреи, так же, как и другие люди, нуждаются в том, чтобы обрести спасение в Иешуа-ха-Машиах. Почтение к Израилю не означает отказа от благовестия евреям — напротив, согласно Новому Завету, Евангелие обращено прежде всего к ним (Рим. 1:16).

⁹ Вот только несколько примеров: Исаия сравнивает Израиль с Содомом и Гоморрой (Ис. 1:9-10), а установленные по Закону жертвоприношения — с языческими обрядами (Ис. 66:3-4); Иеремия и Осия называют Израиль блудницей (Иер. 3 гл; Ос. 1:2); Иезекииль утверждает, что Израиль поступает хуже язычников (Иез. 5:5-8); Малахия сокрушается, что в народе нет почтения к Богу и говорит, что лучше бы Храм был закрыт совсем, а жертвоприношение прекратилось (Мал. 1:6-10).

Писание говорит нам, что во Христе Бог созидает из евреев и язычников один новый народ (Эф. 2:13-18). В Иисусе Христе уже нет различия между евреями и язычниками (Гал. 3:28). Первым христианам, которые все были евреями (включая апостолов) признание этого факта далось нелегко. Но именно благодаря этому осознанию Церковь обрела поистине универсальное измерение, смогла преодолеть национальные, культурные и политические границы и стать «Домом молитвы для всех народов» (Ис. 56:7), притом что каждый народ в этом общем Доме сохранял свои культурные особенности. Но это не означает, что завет с Израилем как народом Божьим больше не имеет силы.

Израиль как народ *Завета* — это возможность для уверенной в своих силах Церкви встретиться с *онтологическим Другим*. Веруя, согласно словам Спасителя, что «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6), и соглашаясь с апостолом Павлом, что «Бог не отверг народ Свой» (Рим. 11:2), мы сталкиваемся с богословской антиномией. Израиль одновременно и *свой*, близкий, и совершенно *другой*, непохожий на нас. Именно в этом отличии — особая ценность Израиля для Церкви. В лице Израиля мы встречаемся с Богом, как с совершенно *Иным*, непохожим на наши о Нем представления. И эта встреча заставляет нас намного более критично относиться к собственным доктринам, обычаям и традициям: ведь все это не более чем наши человеческие попытки выразить невыразимое, осветить то, что само является Светом! В результате мы оказываемся намного более подготовленными и к встрече с другими людьми, в том числе с представителями других религий и мировоззрений. Мы становимся способными видеть в них людей, которых Бог любит, и с которыми, возможно, у Него тоже есть Свои особые отношения, которые мы не вполне способны осознать!

Это не означает ни отказа от собственной идентичности (напротив, мы намного лучше начинаем понимать себя, когда встречаемся с тем, кто от нас отличен!), ни от необходимости нести Радостную Весть всем людям (включая Израиль!). Но после такой встречи мы уже не будем выдавать за благовестие навязывание другим собственных доктрин и традиций. Мы будем задавать другой вопрос: как открыть этим людям великую радость Божьей любви и Его воплощения в этом мире?

Церковь, как и Израиль, призвана быть *народом* Завета. Не религиозной организацией в ряду других. Не идеологической или этической подпоркой для той или иной общественно-политической модели устройства общества. И не заменой социальным службам. А особым народом, принадлежащим иному, небесному Отечеству. Народом, живущим иным, небесным Законом, иными ценностями. Народом, который проходит сквозь историю других народов, государств и империй, совершая особую миссию — являя Бога, Который в истории человечества творит историю спасения.

Что это значит для сегодняшней Церкви? Как мы можем быть народом при той конфессиональной, национальной, культурной, доктринальной разноголосице, которую мы из себя представляем? Израиль удерживает эту «народность» за счет сохранения и воспроизводства особой культуры — но применима ли эта модель для Церкви? Скорее такой подход приведет вместо благовестия к изоляции христиан, к их замкнутости, к отказу от христианского универсализма и отождествлению определенной и с неизбежностью локальной культуры с Царством Божиим. Все это уже имело место и в истории Израиля, и в истории самой Церкви.

Но если мы вспомним, что призыв Израиля — это призыв быть носителем имени Божьего (как и призыв к Церкви!), то все встает на свои места. Закон, данный Богом ради того, чтобы в Его народе могла явиться Его слава, правовым образом пронизывал всю жизнь Израиля — семейную, экономическую, общественную, муниципальную, политическую. Могут ли сегодня христиане явить образцы семейной жизни, основанной не на «общечеловеческих» ценностях и не на «традиционных», а на базовой ценности воплощения Царства Божьего¹⁰? Можем ли мы предложить

¹⁰ В этих вопросах необходимо идти гораздо глубже простого

экономические модели¹¹, в которых отражалось бы Божье Царство? Может ли Церковь предложить иные основания экономической деятельности, такие, при которых бедные не становились бы беднее, а богатые — еще богаче? Какая онтология позволит преодолеть нынешнюю ситуацию: большинство людей в мире живут, чтобы работать; а работая «в поте лица своего», разрушают и себя, и окружающий нас мир?

Мусульмане отказались признать ссудный процент основой финансовой системы и добились на этом пути многого, в том числе, признания мировой финансовой системой исламского банкинга. Христиане же до сих пор соглашались с экономическими принципами, выжимающими все соки из людей и поглощающими все богатства природы. Принципами, цинично разыгрывающими карту самых низменных человеческих инстинктов и формирующими «человека плоского»¹², «человека потребляющего». Или *святым* нечего предложить? Или церкви сдались перед этой безбожной и бесчеловечной экономической моделью?

провозглашения святости гетеросексуального брака и отрицания разводов. Ведь, безусловно, эти принципы необходимы, чтобы в семье проявилось Царство Неба, но они явно и недостаточны для проявления Царства. К сожалению, мы, как правило, сосредоточены на отстаивании «традиционных семейных ценностей». Такая, оборонительная в своей сути, позиция, неизбежно приведет к поражению — к господству в мире ценностей, противоречащих ценностям Книги и Слова.

¹¹ Кто-то и среди нас самих считает, что экономика никак не связана с Царством Божиим. Однако само происхождение этого понятия от греческого *οικονομία* (строить дом, управлять домом), слова, широко используемого в Новом Завете, убеждает нас в обратном. Богу есть, что сказать относительно экономики, и многократные ссылки Павла на «тайну домостроительства» (*οικονομία*) — тому подтверждение.

¹² Понятие, соприкасаемое с понятием «плотского человека», более привычного христианскому уху, но подчеркивающего другую сторону действительности.

Вопросов такого рода много: Какими должны быть подходы к формированию справедливой политической системы, основанной на Радостной вести? Политическая система произошла от городской политики и самоуправления. Так что мы можем сегодня предложить, чтобы сделать наши с вами города более человечными? Города, в которых по преимуществу и разворачивается жизнь наших церквей? Наконец, как должен быть устроен город с архитектурно развернутой новозаветной керигмой?

Вызов города

Участники Собора подтвердили, что город занимал и занимает особое место в Божьей работе. Призвание служить людям в городах — и в малых городах, и в городах мирового масштаба — предъявляет Церкви новые вызовы. Именно в городе может быть начат провозглашенный нами *новый поворот*. Ибо именно в городе, прежде всего, происходит столкновение Царства Божьего и царств

мира сего. Поэтому именно городской общине, собранной в поместную сити-церковь, необходимо приступить к поиску ответов на все предъявленные вызовы.

Церковь есть община для города. Вызов, брошенный Церкви со стороны современного города, заставляет задуматься и над понятием *церковь*, и над определением *община для города*. Многообразие городской жизни с особой остротой ставит вопрос о

том, что значит быть городской ОБЩИНОЙ — как обеспечить подлинную *койнонию* — совместную жизнь членов церкви. Возросшая сложность города одновременно заставляет усомниться в возможности церкви быть ГОРОДСКОЙ общиной — *эκκλησιαι*, способной оказывать влияние, и, более того, определять праведную жизнь города.

Именно городской общине, собранной в поместную сити-церковь, необходимо приступить к поиску ответов на все предъявленные вызовы.

Когда-то Церковь была солью города. Даже имя данное ей — *ἐκκλησία* — говорило о политической претензии и больших ожиданиях, указывало на место, которое Церковь обязана была занять. И она это место заняла. Кафедральный собор в архитектурном и планировочном видении занял центральное положение в городе. Архитектура собора («богословие в камне»), ученость монахов, красноречие проповедников, повседневное поведение верующих — стали образцовыми для общества того времени. По сути это и означало стать закваской мира, а значит, Церковь начала мир менять, взяв на себя ответственность за его будущее.

Многообразие городской жизни с особой остротой ставит вопрос о том, что значит быть городской ОБЩИНОЙ?

Но за прошедшие века Церковь «подхватила» несколько серьезных заболеваний. Первая болезнь — папализм, которой долго болела Церковь, основанная на кафедре Петра. Вторая — цезаропапизм — больше свойственна церквям восточного обряда. Наконец, третья — маргинализм, стала подлинной эпидемией в эпоху секуляризма. Маргинализм сформировал те многочисленные «деревенские общины в городском пейзаже», о которых говорили участники Третьего Собора. Собор также высказал мнение, что за выбором такой судьбы скрывается страх перед сложностью современного города и нежелание усложнять как собственное мышление, так и организацию общины веры.

Участники Собора часто указывали на то, что *апостолы мыслили городами*, и происходило это тогда, когда христиане были еще ничтожным и гонимым меньшинством. Именно поэтому столетия спустя христианские храмы стали архитектурной доминантой города, городская жизнь следовала церковному календарю, а лучшее образование можно было получить в учебных заведениях (от школы до университета), основанных Церковью.

Братья, апостольский дух по-прежнему жив в Церкви: мы можем заквашивать наши города Царством Божиим!

Мир изменился. Эпоха, когда весь город мог собраться под сводами одного храма, ушла в прошлое. Но призвание Церкви быть городской *эклесией* — сообществом, которое определяет городскую жизнь — остается неизменным. В чем сегодня заключается это влияние? Какими средствами оно может осуществляться?

История показывает насколько опасно впадать в крайности: Церковь не могла оказать сколько-нибудь существенного значимого влияния на общество, если она дистанцировалась от политики и политиков, окончательно удалялась от столицы и кесаря. Сам Павел считал важнейшей точкой на карте своего служения императорский Рим. Но как только политический фактор становился основным или определяющим стратегию служения Церкви, она быстро превращалась в смазку государственного механизма.

Иисус отказался от игры на доске власти, предложенной ему Лукавым, и Церкви не стоит переоценивать свою мудрость и способность заключать подобные сделки в своих интересах.

«Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твоё... Отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи». (Лк. 4:6-8)

Важно помнить, что кроме политического риска сближения с Левиафаном, мы обязаны учитывать экономический, социальный и сциентический риски. На этих дорогах нас также поджидают искушения, страхи и заблуждения.

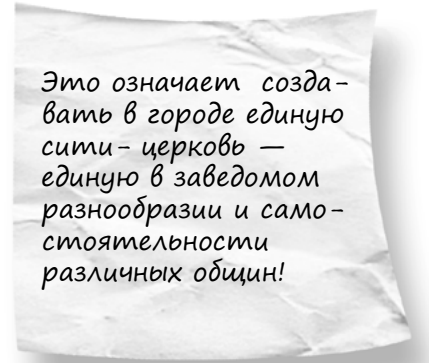
Как же нам удержаться на узком лезвии Христового пути?

Выше уже было показано, что один из факторов, необходимых для этого, — формирование *инога*¹³ подхода к экономике, политике, науке и другим сферам жизни, подхода, основанного на Откровении о Царстве Божьем в Иисусе Христе. Эти подходы могут и должны быть заземлены на конкретный город, и происходить этот процесс должен путем осуществления городских проектов, инициированных церквями (либо тех, в которых

¹³ Святой = иной.

церкви принимают активное участие). Но чтобы эти проекты были сомасштабны городу по сложности, массовости и силе воздействия, необходимо сформировать городское церковное сообщество, берущее ответственность за происходящее в своем городе. По сути, «мыслить городами¹⁴» сегодня — это формировать в Теле такое мышление, которое наполнит молитвенников и визионеров, управленцев и аналитиков. Это означает создавать в городе единую сити-церковь — единую в заведомом разнообразии и самостоятельности различных общин! Ни в коем случае нельзя создавать одну юрисдикцию, сосредотачивая все вокруг одной кафедры, делая одну мега-церковь. На эти грабли Церковь наступала неоднократно! Уничтожение подлинной соборности — сначала по форме, затем по существу — приводит к тому, что Церковь копирует формы и методы структур мира сего, тем самым уничтожая собственное основание — инаковость и свободу в Сыне.

Как правило, профессиональная деятельность христиан, входящих в наши общины, «заземлена» на город. Потому священство всех верующих обретает особую значимость и конкретику именно в контексте городской жизни. Подготавливая «святых на дело служения», нужно научить каждого христианина видеть подлинные городские проблемы и возможность ответа на них через профессиональную деятельность с позиций христианского мировоззрения.

Не менее сложный вопрос — как в условиях города обеспечить подлинно общинную жизнь? Ведь общинность как структура и переживание сложившись в далеком традиционном укладе,

¹⁴ Именно «мыслить городами», а не в «городском масштабе» — важно почувствовать эту разницу.

автоматически из одной эпохи в другую не переносится. А когда такой перенос кем-то насильно осуществляется, то, зачастую, он вырывает христиан из жизни современного общества, заставляя ради общинности жертвовать карьерой и силой представленности в этом мире. Это не идет на пользу ни людям, ни Церкви, ни Царству.

Но, вот обратная ситуация: если позволить людям в Церкви быть современными, успешными, мобильными, если активно переносить на устройство «общины избранных» представления и стили, рожденные современностью — не превратится ли Церковь в еще одну клубную структуру?! Церковь сегодня не может и не должна быть единственным сообществом, в котором протекает жизнь христианина, но в ней, все же, должно происходить нечто особенное — то, благодаря чему сопричастность христианской общине будет ключевой, а вовлеченность в другие сообщества позволит христианам осолять их.

Что может дать христианская община современному горожанину?

Силу Слова, превосходство трансцендентного пребывания, присутствующего во всяком Его действии. Задача Церкви — вводить человека в пространство Вечности, не мертвой вечности атеистов и гностиков, а дышащей Вечности Писания, помогать слабому, но не отчаявшемуся человеку переживать Вечность в повседневности, ощущать, что его жизнь причастна Вечности в любой момент времени.

Но какие шаги нужно предпринять, чтобы современный горожанин действительно мог переживать все это в наших церквях? Какой должна быть городская община веры и действия? Как при городской анонимности, множественности поверхностных коммуникаций достичь глубоких отношений? Как при все возрастающей мобильности людей и усиливающейся атомизации общества достигать взаимопомощи и совместной молитвы?

Традиционный ответ современных протестантов, предполагающий разделение общины на домашние (малые) группы по формальному признаку, не приносит желаемого результата. Разнообразие городской жизни подразумевает не меньшее богатство форм жизни церковной. Требуемая общинность может и должна реализовываться различным образом. Заслуживают внимания примеры формирования малых групп на основе личных отношений, христианских общин на работе, вокруг совместных проектов. Ни одну из этих попыток не стоит признавать неприемлемой: неизбежные ошибки на этом пути не умаляют ценность самого поиска подлинно общинной жизни в условиях большого города. Поиск в этом направлении должен быть продолжен: как в богословии, так и в практических попытках воплотить общинный характер христианства в городских условиях.

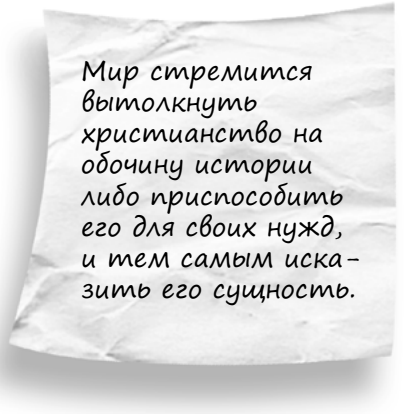
На что у нас есть надежда? На то, что сложность наших *церквей-в-городе* окажется соразмерной сложности все время ускоряющегося мира; на то, что работа, развернутая в наших церквях, окажется сложнее и продуманней самих вызовов, стоящих перед человечеством, и в первую очередь, перед человечеством ближайшего будущего.

Вызов будущего

Первый Евангельский собор поставил задачу *оправдания будущего* как подлинно христианского отношения к вызовам грядущего. Второй и Третий Соборы продолжили работу в этом направлении, формируя подходы и закладывая основание для решения этой задачи. Неоднократно подчеркивалось, что позиция Церкви — это не отрицание и демонизация изменений, происходящих в миру¹⁵, но и не безусловное их

¹⁵ Сам приход Христа — уже фантастическое событие, повлекшее

принятие. Христианский ответ на вызов будущего может быть дан исключительно с позиций Откровения, но Откровения, прочитанного в свете проблем современности и вызовов будущего¹⁶.

Мир стремится вытолкнуть христианство на обочину истории либо приспособить его для своих нужд, и тем самым исказить его сущность.

Весть Христа о Царстве Божьем всегда входит в противоречие с общественным мейнстримом. Ведь эта весть о принципиально ином подходе к жизни, иных ориентирах и ценностях, что с неизбежностью несет в себе угрозу для сложившегося миропорядка. Потому мир стремится вытолкнуть христианство на обочину истории либо приспособить его для своих нужд, и тем самым исказить его сущность. Но терпе-

ливый Бог продолжает Свою работу в самом чреве истории. Посредством же истории Бог работает с перспективой человечества. И Он призвал нас быть Его сотрудниками в этом деле. Вот почему подлинный вызов будущего приходит не со стороны изменений в обществе, включая изменения в общественной морали, и не со стороны научных открытий, ставящих под сомнение привычное толкование тех или иных отрывков Священного Писания. Подлинный вызов адресован Церкви Самим Господом, «творящим все новое» и призывающим Свой народ к сотворчеству с Ним.

Поэтому для того, чтобы ответить на вызов будущего, необходимо обрести пророческое видение того, что делает Господь. После чего тщательно богословски осмыслить эти прозрения. Вот почему работа над новым богословием и поддерживающим его форматом мышления происходит на каждом Соборе и продолжается в период между Соборами.

невообразимые изменения. Смерть Спасителя — абсолютно неожиданна для тех, кто ждал Избавителя от Рима. Так что страх изменений — это точно не от Христа.

¹⁶ Например, см. «Перманентная реформация. Материалы Второго Евангельского собора» — М., 2012, с. 13

Богословие призвано давать ответ на актуальные вопросы человека и человечества из глубины Откровения Бога во Христе. Для этого необходима работа одновременно в двух направлениях: все более глубокое осмысление Откровения и столь же глубокая проблематизация современной ситуации. Чтобы осуществлять этот труд необходимо выработать основания и методы мыслительной работы и создать адекватный инструментарий для столь нетривиальной работы. Как правило, для этого привлекаются наиболее передовые методы мышления, которые подчиняются Откровению и перерабатываются в соответствии с ним. Именно такой подход отражен в средневековой формулировке: *философия — служанка богословия*. Служанка добрая и значимая, в чем-то более утонченная, чем ее госпожа, но ее роль зафиксированно подчиненная.

Христианское мышление в своем формировании прошло два этапа. Формирование христианского мышления 1.0 было начато Павлом и переведено в строгие догматические формулировки на Востоке Афанасием Великим и каппадокийцами, на Западе — блаженным Августином. Когнитивной вершиной богословского Рима стали труды Фомы Аквината. Античная философия (сначала неоплатонизм, затем — аристотелизм), подчиненная Откровению, позволила не только выразить удивительные прозрения о Боге и Его действии (энергиях) в этом мире, но и сформировать лицо Рая Christiana: ведь только определенный тип мышления формирует соответствующую ему культуру, экономику, политику, устройство домохозяйств и городов. В недрах именно этого мышления созрели и основы современной науки.

Христианское мышление 2.0 заложено в фундамент мышления Нового времени. Научный метод в христианском богословии дал импульс формированию систематического богословия нового типа и критического исследования Писания, а новое представление о Боге, как о Том, Кто находится в отношениях с человеком, позволил по-новому увидеть самого человека, его семейную жизнь, его повседневную деятельность. Нельзя не отметить и осязаемого поражения, которое потерпело христианское мышление в этот период: иллюзия всемогущества науки убедила многих христиан, что в

мире есть целые области, свободные от Бога и Его действия¹⁷. Это привело к нерелексивному принятию двойного мироощущения — «на работе я инженер с крепкой верой в законы физики, а по воскресеньям я христианин с верой в Шестоднев».

Все более глубокое понимание ограниченности научного метода и инаковости Откровения, проблематизация модерна современными философами открывают возможность формирования христианского мышления 3.0 и соответствующего ему богословия. Попытки такой работы уже можно наблюдать, и Радикальная ортодоксия¹⁸, наверное, самый яркий пример формирующегося нового подхода.

Назовем несколько признаков христианского мышления 3.0.

Восстановление *догматической работы*. Второй собор отметил, что «христианское мышление догматично, но не косно¹⁹», тем самым зафиксировав важное различие. Парадоксальное мышление, характерный признак догматичности, благодаря парадоксу удерживает невыразимость Откровения. Тринитарный и христологический догматы — примеры высоты и сложности та-

17 Надо отметить, что христианское мышление и богословие всегда неполны: они отражают лишь то, что человеку удалось понять и выразить о Непознаваемом и Невыразимом. Потому всегда есть искажения Откровения и негативные последствия такого мышления в практиках. Следовательно, всегда есть требование дальнейшего развития богословия и мышления. При этом страх ошибок не должен нас удерживать от попыток осмыслить и выразить Откровение. Отказ мыслить и говорить — есть отказ от воплощения Откровения в мире.

18 Радикальная ортодоксия — направление современной богословской мысли, связанное с именем профессора Оксфордского университета Джона Милбанка, в основе которого лежит глубокая проблематизация оснований секулярного подхода как в научном поиске, так и в общественных процессах: экономике и политике. Представители Радикальной ортодоксии призывают положить в основание мышления и деятельности человека библейское Откровение и учение Отцов Церкви, зафиксированное в основных христианских догматах. На русском языке доступно не так много материалов по Радикальной ортодоксии. Для первого знакомства можно обратиться к интервью с Джоном Милбанком, которое он дал Русскому Журналу <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Sekulyarnost-imeet-totalitarnye-naklonnosti>

19 Перманентная реформация. Материалы Второго Евангельского собора. — М., 2012. С. 26

кого мышления. Догматическая работа такого уровня должна быть продолжена: по меньшей мере, необходимо самым широким и открытым образом обсуждать сотериологический, скриптурологический, екслезииологический и антропологический догматы²⁰.

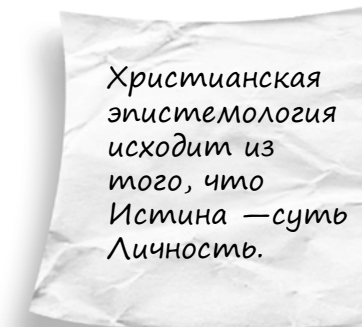
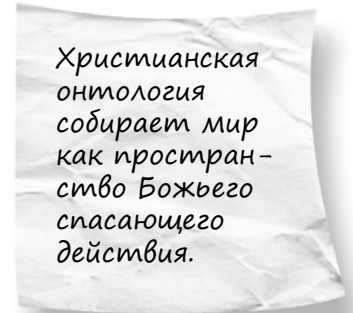
Христианское мышление 3.0 предполагает собственную *онтологию* и *эпистемологию*. Христианская онтология собирает мир как пространство Божьего спасающего действия, а потому каждый из аспектов мироздания видит непременно в отношениях с Творцом и Его замыслом. Это значит, что мир полон не только законов, с которыми столь мощно в последние столетия работала наука, но что мир как Замысел, проявившийся в результате кенозиса, так же и телеологичен. Христианская эпистемология исходит из того, что Истина —

суть Личность, причем Личность, парадоксальным образом (но не нумерологически) ухватываемая через Единицу и Троицу²¹, и уже на этом основании, недоступном дискурсивным формам мышления, формирует свой метод познания, свой неподражаемый способ «взятия» мира.

Работа по формированию христианского мышления 3.0 разворачивается на конференциях, посвященных Дню Реформации, богословских предпасхальных конференциях, в стенах богословских учебных заведений и в рамках московского богословского семи-

20 С. Градиловский «Восстановление оснований догматического мышления как условие формирования мышления 3.0» — http://www.archipelag.ru/agenda/gospel_povestka/konferens_r_vs_r_2012/text12/

21 Для углубления в этот вопрос см.: О. Павел Флоренский «Столп и утверждение истины». Письмо третье.

нара, а также на светских площадках в содержательном диалоге с представителями других мировоззрений.

В процессе означенной работы в Церкви начнутся изменения, которые позволят нам перейти от расхожих фраз «мы — самые верные хранители евангельской традиции» или «мы — самая библейская церковь» к утверждениям: «мы видим, что Бог совершает в нашем мире», «мы понимаем Его замысел о нас и мире»; а затем: «мы собираемся быть лучшими производителями смыслов будущего» и потому «мы приносим оправдание будущему».

Причем истина этих слов должна стать очевидной не только для самих христиан. Это произойдет, если она будет доказана практической деятельностью и инаковым, но не маргинальным образом жизни. Это и будет подлинно христианским ответом на вызовы будущего.

Вызов Царства, Израиля, города и будущего — это Божьи указатели на том пути, которым Бог ведет Свой народ. Принимая всерьез каждый из них, мы сможем глубже понять, что сегодня «Дух говорит церквам». Но в попытке ответить на эти вызовы, мы с неизбежностью натолкнемся на еще один вызов. Им будет Сама Церковь. Возможно, именно она является главным вызовом и наших дней...

Церковь как тайна, вызов и надежда

Новый Завет говорит о Церкви Христовой как о тайне:

«Мне в откровении дано было узнать Его тайну, как я вкратце писал выше. Следовательно, прочитав, вы сможете представить, как я понимаю тайну Христа. В прежних поколениях человечеству не дано было знать этой тайны, но теперь Дух открыл ее святым Божиим апостолам и пророкам. Она в том, что и язычники

получают то же наследие, и они — часть единого тела, и им тоже даны обещания Бога через Христа Иисуса в Радостной Вести» (Эф. 3:3-6, РБО 2000)

Павел описывает Церковь как живой организм, состоящий из множества людей не утрачивают своей уникальности. Напротив, полнота Тела раскрывается именно благодаря единству и взаимодействию между собой различных частей. Христос собирает этих людей и соединяет их между собой особым образом — и так мы многие становимся Церковью — Телом Христа.

Еще одна метафора для описания Церкви — это Храм Духа Святого:

«Неужели вы не знаете, что вы — храм Бога и в вас живет Божий Дух²²?» (1Кор. 3:16, РБО, 2000)

Этот образ не менее удивителен, чем образ Тела: мы представляем собой живые камни, которые сложены вместе таким образом, что в результате образуют нечто цельное и ценное, в чем обитает Святой Дух. Именно присутствие и считываемое действие Святого Духа было отличительным признаком, по которому апостолы признавали то или иное собрание подлинной Церковью. Сегодня многие из нас зачастую используют другие признаки, чтобы определить, какое собрание можно признать настоящей Церковью, а какое нет. Восстановление библейского, апостольского критерия церковной жизни — одна из актуальнейших задач.

Церковь есть сообщество, община. Слово κοινωνία, переведенное как «общение» буквально означает «разделенная жизнь» — разделенная с кем-то и с какой-то целью. Духовное единство в молитве и Причастии, братское общение, взаимная

²² Павел говорит здесь именно о Церкви, а не человеке; сравним: Эф. 2:19-22; 1Пет. 2:4-5. Когда мы обращаемся к Христу, Дух Святой присоединяет (буквально, погружает) каждого из нас в Тело Христово, Церковь: 1Кор. 12:12-13. Каждый из нас «напоен Духом» именно как часть Церкви. Чрезвычайно важно не скатываться к индивидуалистическому пониманию взаимоотношений с Богом и пути спасения.

помощь и совместное служение позволяют человеку приобщаться жизни Троицаго Бога, одновременно соучаствуя в жизни других людей.

Итак, *Церковь есть сообщество людей вокруг Христа, собранных Святым Духом во имя Отца*. Если сама Церковь не выражает троичности, оставаясь в изначальном единстве — значит, она тяжело больна.

Церковь также есть *община для мира и против мира*, ибо Она представляет Царство, которого для мира еще нет, но которое — суть итог этого мира.

Утверждение Его Царства будет означать смерть этого мира. Мир не может терпеть Церковь несущую Царство. Поэтому мир форматирует Церковь под себя, погружая ее в симфонию или конкордат с царством кесаря. И надо признать, миру это часто удается.

Потому так трудно оставаться Церковью в мире и одновременно в Боге. Нам нужна мудрость, чтобы каждый раз совмещать несовместимое — упорядочивать отношения с миром, преодолевая его ненависть, и сохранять отношения с Богом, преодолевая честнейшее желание предоставить этот мир его естественному стремлению — катиться в бездну.

Если мы понимаем Церковь как тайну, мы должны согласиться с тем, что никакие человеческие решения, организационные признаки, конфессиональная или деноминационная принадлежность не могут быть критерием принадлежности общины к Церкви как к Телу Христову, равно как и отрицанием такой принадлежности.

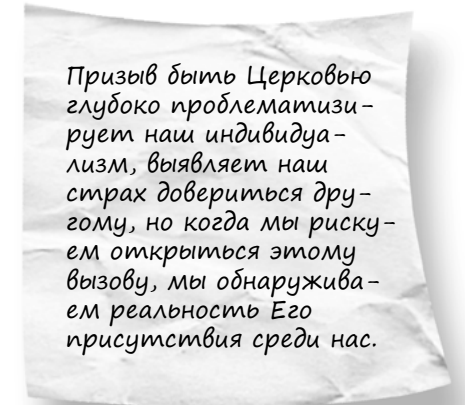
Как тайна Церковь противостоит нашей попытке втиснуть ее в понятные миру формы и определения. Иначе говоря, Церковь сама есть вызов — прежде всего, для нас, тех, кто мыслит себя принадлежащими Телу Христову. Мы никогда не сможем до конца понять, что есть Церковь. Но мы призваны *быть Церковью*: жить как Бо-

жья община, собранная вокруг Христа Святым Духом ради Замысла Отца.

Этот призыв — быть Церковью — глубоко проблематизирует наш индивидуализм, выявляет наш страх довериться другому, открыться навстречу неизвестному. Но когда мы рискуем открыться этому вызову, мы обнаруживаем реальность Его присутствия среди нас: Царство Божье перестает быть *только* запредельной реальностью — мы переживаем эту реальность здесь и сейчас. И так мы становимся свидетелями этого Царства: ведь свидетель — это тот, кто говорит о виденном и пережитом лично, а не просто повторяет слышанную где-то древнюю историю (2Пет. 1:16-18; 1Ин. 1:1-2).

Это устремление *быть Церковью* с неизбежностью будет порождать новые формы церковной жизни, которые могут разительно отличаться от привычных образцов. Но если мы окажемся способными удерживать свое внимание на библейских признаках того, что значит быть Церковью, это поможет нам признать и благословить то новое, что Бог будет делать (и даже уже делает) в *Своей* Церкви.

Искать пути для того, чтобы *быть Церковью*, значит, бросить вызов сложившемуся миропорядку. Как выше было сказано: Церковь — это община *для* мира, но и *против* мира, поскольку Церковь представляет Царство, которого для мира еще *нет*. Если мир не противостоит Церкви, если он воспринимает ее как часть своего пейзажа — это очень тревожный признак, свидетельствующий о том, что Царство Божье не проявляется через нас.

Ненависть мира к Церкви — это нормальная реакция на *святую инаковость*. Но нашей реакцией на эту ненависть должна быть не вражда (что так часто можно увидеть в христианах по отношению к другим религиям и меньшинствам) и не изоляция (которая является нашей обычной реакцией на интеллектуальный, экономический или политический прессинг). Мы призваны преодолеть ненависть мира к нам любовью²³.

Такая Церковь есть надежда этого мира. Мир отчаянно жаждет встретить тех, в ком можно обнаружить присутствие Божьего Царства — того подлинного мира, по которому тоскует сердце каждого человека. И даже ненависть мира к Церкви и стремление вытеснить «Невесту Христа» из жизни общества и ритма города есть свидетельство этой жажды.

В мире есть удивительная тоска по радикальному христианству и радикальной Церкви. Куда сильнее эта жажда в сердцах тех, кто, пережив встречу с Христом, знает, что такое христианство и что такое Церковь, знает не просто как мечту, но как реальность. И именно потому мы готовы не только ожидать того, что такая Церковь станет реальностью, но для осуществления этого трудиться, работать, пахать.

Межсоборное присутствие

Евангельского Собора

Осень 2012 - весна 2013 года по Р.Х.

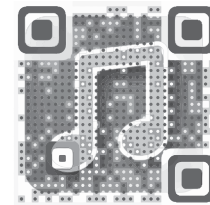
²³ Христова Нагорная проповедь (Мф. 5:44) содержит не просто добрые советы, а призыв к практическому действию. Мы призваны говорить доброе (благословлять) в адрес тех, кто говорит о нас лично или о Церкви злое. Мы призваны делать добро (благо-творить = творить благо) тем, кто делает нам злое. Мы призваны молиться за обижающих и преследующих. И эта молитва должна быть, в том числе, публичной. Пока же чаще заметна со стороны христиан по отношению к врагам реакция в духе эпохи крестовых походов: во славу Божью будем уничтожать неверных!

Небесное масло

(Автор музыки и слов епископ Евгений Николин)

1. Я смотрю в небеса
И читаю в глазах у неба,
Что где б я не был,
Я могу быть собой самим,
Зная, принят я.
И не один.
Но остаться собой непросто,
Как видеть звезды,
И жить на звёздах.
Я нуждаюсь в других глазах
и в родных сердцах,
Простых словах:

Припев: Мы — с тобой!
Ты — герой!
Нужен — ты
Для мечты
Действуй сам,
Но!
Подключаясь к небесам!
Качай-качай небесное масло!
Качай-качай небесный елей!
Давай-давай чудесное Царство
Увидим в жизни твоей и моей!

<http://evangelicals.ru/005>

2. Я ныряю в волну и вижу
Как море дышит
И сердце слышит,
Что Иное внутри
Влияет на то, что там,
Наверху.
Я волну не гоню
И ветер не раздуваю
Я в них играю,
Опираясь на то,
Что движется каждый миг
Слышу крик:

Припев: Мы с тобой...

3. Погружаюсь в себя
И встречаюсь с самим собою,
Смешным героем.
Есть гармония, есть бардак,
Но я друг себе,
А не враг.
И с Царем в голове я дружен.
Он нужен мне
И Ему я нужен.
Вот и ужин готов:
Есть масло, хлеб и вино.
А знаешь что?

Припев: Я с тобой...

Научно-популярное издание

Философско-религиозные тетради. Тетрадь №005.
Материалы Третьего Евангельского Собора.

Выражаем особую признательность и благодарность всем,
кто оказал поддержку и помощь в издании настоящего сборника.

В оформлении иллюстраций данного издания использованы рисунки

В.А. Сурикова:

«Первый Вселенский Никейский Собор, 1876 г., 1 стр.»,

«Второй Вселенский Константинопольский Собор, 1876 г., стр. 5»,

«Четвертый Вселенский Халкидонский Собор, 1876 г., стр. 19»,

находящиеся в свободном доступе на сайте www.liveinternet.ru

Сообщество «Про искусство» [Электронный ресурс] / Сервис блогов (онлайн
дневников) LiveInternet.ru – А.Ш. Крылов - Электрон. дан., Режим доступа:
<http://www.liveinternet.ru/communiti/1726655/post200887585/#>, свободный –
Загл. с экрана.

Подписано в печать 15.05.2013

Формат 60x90/8. Печать цифровая. Гарнитура константия.

Усл. печ. л. 5.12, Тираж 1 200 экз.

Местная религиозная организация
Евангельских христиан-баптистов «На Руси».

www.evangelicals.ru

e-mail: evangelical.council@gmail.com